

*Исторические науки***ПОНЯТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
НЕМАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Лонин А.В.

*Сибирский государственный аэрокосмический
университет имени академика М.Ф. Решетнева,
Красноярск, e-mail: loninav@mail.ru*

Появление понятия «интеллигенция» в отечественной социально-философской литературе на рубеже XIX – XX вв. вызвало бурные научные дискуссии. Объектом споров философов стало содержание самого этого понятия, критерии для определения его сущности, а также роль интеллигенции в развитии общества. Кроме того, одной из дискуссионных проблем, активно дискутировавшихся в этот период, являлся вопрос о том, является ли интеллигенция элементом исключительно российской культуры, или это универсальное понятие, применимое для изучения и других обществ.

Понятие интеллигенция в научный оборот ввел П.Д. Боборыкин, который писал, что интеллигенция – это «высший образованный слой нашего общества» [1]. Таким образом, интеллигенция стала рассматриваться с одной стороны, как понятие близкое по своему значению к аристотелевским «лучшим людям», и в этом смысле характеризовалась как высший слой общества, его авангардная часть. Вместе с тем, метафизически произвольно выбирались критерии для определения этого слоя общества, что и определило разную трактовку данного понятия в трудах разных исследователей. У Боборыкина, например, критерием принадлежности к интеллигенции является ее образовательный уровень.

Итогом философского осмысления данной проблемы стал выход в свет в 1909 году сборника «Вехи», который интересен не только своеобразными оценками и подходами к определению роли интеллигенции в российском обществе, но и тем, что своим появлением вызвал бурный всплеск дискуссий по данной проблеме. Понятие интеллигенции, а также ее роль в жизни российского общества выделена в сборнике в качестве центральной проблемы социально-философских исследований. Примечательно, что авторы сборника – отечественные философы серебряного века, активно использовавшие понятие интеллигенция, не отказывались при этом и от древнего понятия «лучшие люди». Это говорит о том, что интеллигенция не отождествлялась ими с лучшими людьми и рассматривалась как особая специфическая часть российского общества.

Исследуя проблему генезиса русской интеллигенции, социолог и экономист П.Б. Струве сделал вывод о том, что началом оформления данной социальной группы следует считать эпоху реформ 60–70-х гг. XIX века [2]. Вместе с тем, П.Б. Струве не дает четкого определения понятию интеллигенция, а также не предлагает каких либо критериев для выделения интеллигенции в качестве отдельной социальной группы, что открывает большое поле для произвольного толкования этой проблемы, определяет множественность подходов к ее изучению.

Плюралистичность и произвольность в выборе проблематики изучения интеллигенции, как и трактовки самого этого понятия не помешала, однако, уже в конце XIX – начале XX вв. поставить ряд важных для понимания особенностей российского общества проблем. Одной из таких проблем, рассматриваемых философами серебряного века, является взаимоотношение интеллигенции и власти. Данная проблема – одна из центральных в системе философских воззрений выдающегося русского мыслителя Н.А. Бердяева. Анализируя эту проблему применительно к периоду начала XX века автор отмечал, что «...застаревшее самовластие исказило душу интеллигенции. Но недостойно свободных существ во всем всегда винить внешние силы и их виной себя оправдывать. Виновата и сама интеллигенция» [3].

Как видно, мыслитель в данном случае отдает дань западной идеологии традиции. Говоря о «свободных существах», он мыслит категориями западной метафизики, характерной для универсалистской модели мира. Вместе с тем, применительно к понятию интеллигенция такой подход Бердяева является вполне правомерным. Несмотря на попытки представить интеллигенцию как исключительно российское явление, это понятие, тем не менее, появилось в российской философской мысли именно в период интенсивного распространения западной идеологии. Оно явилось своего рода результатом проникновения в Россию идей западных теоретиков.

Но при этом, Н.А. Бердяеву при анализе интеллигенции все же не удалось избежать определенного эклектического соединения разных теоретических систем. Несмотря на то, что интеллигенция мыслится философом как одно из «свободных существ», тем не менее, он не отождествляет ее в полной мере с западными интеллектуалами, а придает этому понятию сугубо российские национальные черты. Он пишет о том, что интеллигенция присуща «душа», которую «исказило застаревшее самовластие», а также проводит мысль о вине интеллигенции

за те беды и несчастья, которые переживает российское общество. Такой подход противопоставлен представлениям об интеллектуалах западного типа, которые рассматриваются в западной теоретической традиции исключительно как узкие специалисты в определенной области, деятельность которых ограничена рамками их профессиональной компетенции. В системе взглядов Бердяева, также как и других российских философов серебряного века, интеллигенция играет ведущую роль в жизни общества и несет ответственность за судьбу страны.

Проблема формирования российской интеллигенции и ее сущности получила свое развитие в философской системе другого отечественного мыслителя С.Н. Булгакова. Не предлагая четко определенного самого понятия интеллигенции, он тем не менее рассматривал исторические условия ее возникновения. Философ выделил два фактора, обусловившие особенность русской интеллигенции: внешний и внутренний. Под первым подразумевался всеохватывающий и непрерывный помещичий гнет, породивший ответную реакцию со стороны самой интеллигенции и определивший ее оппозиционность по отношению к власти. Под внутренним фактором С.Н. Булгаков понимал «ее <интеллигенции – А.Л.> особое мировоззрение и связанный с ним ее духовный склад» [4].

Таким образом, отечественная философия серебряного века применительно к анализу проблем российской интеллигенции и ее роли в обществе характеризуется двумя основными особенностями. С одной стороны, явно видна попытка рассмотреть это явление в контексте особенностей российской культуры и цивилизации, придавая исключительно важное значение ведущей роли интеллигенции в общественно-политической, культурной и духовной сферах жизни российского общества. В этом отношении сущность интеллигенции мыслилась как явление близкое к аристотелевскому понятию «лучшие люди», издревле распространенному на Руси и известному еще из русских летописей. Вместе с тем, в социально-философских воззрениях философов серебряного века интеллигенция не отождествляется с лучшими людьми, а рассматривается все в тех же традициях западного теоретизирования, для которого характерна произвольная трактовка понятий, множественность критериев для их определения.

Список литературы

1. Боборыкин П.Д. Подгнившие вехи // В защиту интеллигенции. – СПб., 1909. – С. 130.
2. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. – М.: 1991. – С. 139.
3. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. – М., 1991. – С. 42.
4. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. – М., 1991. – С. 46.

ВОСТОЧНОЕ МОНЕТНОЕ СЕРЕБРО: ВОЛГА, КЛЯЗЬМА (825-859 ГГ.)

Петров И.В.

*Санкт-Петербургский университет
управления и экономики, Санкт-Петербург,
e-mail: ladoga036@mail.ru*

Вторая половина 820–840-е гг. на Верхневолжском (Волго-Клязьминском) денежном рынке характеризуется выпадением 4 кладов (2918 экз.): Углич, 828/829 г.; Загородье, 831/832 г.; Выжигша I, 841/842 г.; Выжигша II, 841/842 г.

Только 1 клад содержит не более 100 монет (Загородье, 831/832 г. – 15 экз.). В 1 кладе зафиксировано более 100 монет (Выжигша II, 841/842 г. – 508 экз.) [2]. В 2 кладах выявлено свыше 1000 драхм и дирхемов (Углич, 828/829 г. – 1114 экз.; Выжигша I, 841/842 г. – 1281 экз.).

Среднее количество монет в кладе – 729,5 экз. (2918:4). По сравнению с 800–824 гг., в 825–849 гг. на Верхневолжском (Волго-Клязьминском) денежном рынке наблюдается процесс резкого – в 9,443 раза – увеличения количества монет (2918:309). Среднее количество монет в кладе увеличивается по сравнению с предшествовавшим этапом в 10,610 раза (729,5:68,75).

Приведенные цифры говорят о различиях между кладами Волховско-Ильменского и Верхневолжского (Волго-Клязьминского) денежных рынков. На первом из упомянутых рынков количество монет незначительно – 27 экз., тогда как на втором этот показатель составляет 2918 экз. (в 108,074 раза больше). Клады Верхней Волги и Волго-Клязьминского междуречья характеризуют завершение процесса формирования крупных состояний уже ко второй половине 820–840-м гг. На землях по течению р. Волхов и в бассейне озера Ильмень о формировании не только крупных, но даже средних состояний говорить не приходится.

1 клад из 4 относится к категории монетно-вещевых.

Обломки присутствуют во всех 4 кладах и составляют в них абсолютное большинство. Интересно отметить, что на Волховско-Ильменском денежном рынке ситуация весьма сходная. Следовательно, на обоих указанных рынках с 828/829 по 846/847 г. во всех кладах выявлены фрагментированные монеты. Таким образом, в отношении указанных рынков общее правило, установленное В.Л. Яниным, об отсутствии в 832–868 гг. обломков, не действует применительно к 820–840-м гг. Это вносит коррективы в характеристику 2 периода обращения дирхема как безобломочного.

В кладах зафиксированы следующие династические группы: Сасаниды, подражания Сасанидам, Арабо-Сасаниды, Испახбеды Табаристана, Омайяды, Приверженцы Аббасидов, Аббасиды, Идрисиды, Губернаторы Тудги,